

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ПОСТКЛАССИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Честнов Илья Львович

Заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры теории права и гражданско-правового образования
**Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена**

Общественная опасность традиционно трактуется как материальный и сущностный признак преступления. Соглашаясь с тем, что понятие «общественная опасность» принципиально важна для науки уголовного права (и для теории права также применительно к анализу признаков правонарушения) [4], тем не менее, нельзя не заметить, что его содержание далеко от аподиктичности. Особо заметна проблематичность дать однозначное определение общественной опасности в ситуации постклассической эпистемологии. Существует ли общественная опасность как некая данность, каков денотат и референт этого понятия, как измерить общественную опасность – вот далеко не полный перечень вопросов, на которые сегодня нет однозначного ответа. Эта неоднозначность обусловлена ситуацией эпистемологической неопределенности, свойственной постсовременной науке и, как следствие, зависимостью от исходных методологических ориентиров исследователя, плюрализм коих сегодня неизбежен и неустраним.

Так, Ю.Д. Блувштейн и А.В. Добрынин, вскрывая логико-лингвистические парадоксы в криминологии, акцентируют внимание на «парадоксе общественной опасности деяния»: «В социологической парадигме термин “общественная опасность” означает такое свойство, которое связано с актуальным или потенциальным разрушением жизненно

важных социальных структур. В этом смысле термином “преступление” обозначаются любые поступки, которые причиняют или могут причинить существенный вред значимым интересам общества и его членов. Преступление при этом оказывается просто референтом универсального термина “общественно опасное деяние”, имеющего исключительно социологический смысл.

Если взять за основу нормативистскую парадигму, ситуация коренным образом меняется. Здесь термин “преступление” означает все то и только то, что запрещено законом под страхом уголовного наказания. В таком контексте высказывание “Преступление является общественно опасным деянием” превращается в высказывание “Деяние, запрещенное уголовным законом, является общественно опасным”. Таким образом, термин “общественно опасное деяние”, изменив свое значение и смысл, приобретает явно выраженный нормативистский характер» [1. С. 94-95]. Зависимость от контекста – научной парадигмы – дает основание заключить, что данный парадокс не поддается решению логико-лингвистическими средствами [1. С. 95].

Не менее сложной является проблема реификации общественной опасности, производимой классической науками уголовное право и криминология. Предполагается, что можно четко и однозначно выявить те нарушения общественных отношений, вред от которых с необходимостью квалифицируется как «общественно опасный». Однако сегодня в ситуации социальной неопределенности невозможно дать однозначную оценку любому более или менее сложному социальному явлению или процессу. Это связано с тем, что такая оценка зависит от позиции «наблюдателя», и с разных точек зрения будет если не противоположной, то, по крайней мере, значительно отличающейся. Дать однозначную оценку можно только если встать на позицию «метанаблюдателя», а претендовать на такую может

только Бог. Поэтому, с позиций одной социальной группы, свержение режима М Каддафи – это «революционная справедливость», а с другой точки зрения – антигосударственное преступление.

Как справедливо замечает Я.И. Гилинский, «В реальной действительности нет объекта, который был бы “преступностью” (или “преступлением”) по своим внутренним, имманентным свойствам, *sui generis, per se*. Преступление и преступность — понятия релятивные (относительные), конвенциональные (“договорные”: как “договорятся” законодатели), они суть социальные конструкты, лишь отчасти отражающие отдельные социальные реалии: некоторые люди убивают других, некоторые завладевают вещами других, некоторые обманывают других и т.п. Но ведь те же самые по содержанию действия могут не признаваться преступлениями: убийство врага на войне, убийство по приговору (смертная казнь), завладение вещами другого по решению суда, обман государством своих граждан и т. п.» [3. С. 37]. В связи с этим следует признать конструируемость, а не объективную заданность «природой вещей» или «мировым разумом» преступности, в том числе, общественной опасности.

Ключевым моментом, на мой взгляд, здесь является оценивание социальных деяний, явлений и процессов как опасных, угрожающих обществу. Социальность существует только через культурно опосредованные ментальные представления, включающие систему оценок, и практики людей. Следовательно, объективность общественной опасности правонарушения – это оценка соответствующих деяний господствующей в социальной иерархии группы, которая выдает такую оценку за общезначимую универсальность [2. С. 122-130]. Поэтому нет правонарушений как таковых и, соответственно, общественной опасности как таковой, а есть деяния и явления, оцениваемые как правонарушения,

опасные или угрожающие обществу в контексте данной культуры – с позиций доминирующей социальной группы, определяющей системы ценностей данного социума.

Кто и как конструирует преступление, категоризирует, классифицирует и квалифицирует социальные деяния и процессы как общественно опасные? Анализ такого процесса как результата борьбы за право навязывать свое представление (установить символическую гегемонию) об общественной опасности предполагает акцентировать внимание на характере политических дискуссий по проблемам общественной безопасности, т.е. почему именно она (эта угроза) оценивается таким образом. Невозможно дать универсальное определение опасности или перечень всех чрезвычайных ситуаций. Важнее исследовать как и почему некоторые ситуации квалифицируются как чрезвычайные, угрожающие общественной безопасности и как изменяется их интерпретация со временем. Это - насущная задача современной постклассической юридической науки.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Блувштейн Ю.Д., Добрынин А.В. Основания криминологии: Опыт логико-философского исследования. Минск, 1990.
- [2] Власов А.В., Диденко О.В. Проблемы развития таможенных услуг и транспортно-логистических систем в условиях глобализации мировой экономики (на примере стран Таможенного союза) // Ученые записки Российской Академии предпринимательства. 2014. № 40.
- [3] Гилинский Я. И. Криминология, теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2009.
- [4] Мальцев В. В. Общественно опасное поведение в уголовном праве: монография. М., 2014.